

УДК 821.111–14+821.161.1–14+81'25

**В. К. Чернин,
Д. Н. Жаткин**

**СТИХОТВОРЕНИЕ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА
«ЛЕДИ КЛАРА ВИР ДЕ ВИР» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX в.**

В статье, публикация которой приурочена к 200-летию со дня рождения выдающегося английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892), осуществлен сопоставительный анализ переводов его стихотворения, выполненных во второй половине XIX в. А. Н. Плещеевым, Д. Е. Мином и О. Н. Чюминой. Отмечается, что в ранних переводах А. Н. Плещеева и Д. Е. Мина получила отражение характерная для демократически ориентированной литературы 1860–1870-х гг. идея служения аристократии народу, в то время как в более позднем переводе О. Н. Чюминой, создававшемся в эпоху, непосредственно предшествовавшую Серебряному веку, социальные мотивы были несколько приглушены и уступили место эстетической характеристике описываемых жизненных ситуаций. Наиболее точно авторский замысел А. Теннисона был передан Д. Е. Мином, сумевшим сохранить не только общую тональность переводимого текста, но и подавляющее большинство значимых художественных деталей. В переводе А. Н. Плещеева в полной мере отразилась яркая творческая индивидуальность переводчика, интерпретировавшего английский оригинал с учетом актуальных явлений общественной жизни и собственного представления о них.

Ключевые слова: А. Теннисон, русско-английские литературные связи, английский романтизм, художественный перевод, реминисценция, традиция.

Стихотворение Альфреда Теннисона (1809–1892) «Леди Клара Вир де Вир» («Lady Clara Vere de Vere», 1842), получившее известность благодаря талантливому сочетанию в нем морально-этических рассуждений о человеке и человечности и актуальных социальных мотивов, неизменно привлекало внимание русских поэтов и переводчиков второй половины XIX — начала XX в. А. Н. Плещеев, впервые в России обратившийся к переводу «Леди Клары Вир де Вир» (Русское слово. 1864. № 2. Отд. 1. С. 159–160), во многом исходил из того, что поэзия должна напрямую способствовать облегчению страданий народа. Его заинтересовал теннисовский образ английской аристократки, в назидание которой звучала мысль оставить любовные утехи и «пойти в народ» — помогать бедным, учить сирот грамоте и рукоделию. В несколько более позднем переводе назидательного английского стихотворения, осуществленном в 1870-х — начале 1880-х гг. Д. Е. Мином (опубликован посмертно: Северный вестник. 1893. № 8. С. 238–239), сквозь предельную точность передачи духа и формы оригинала проступает едва уловимый акцент на художественных деталях, соотносимых с российскими реалиями, и

ЧЕРНИН Владимир Константинович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики начального образования Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (E-mail: filoloc@yandex.ru).

ЖАТКИН Дмитрий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России (E-mail: ivb40@yandex.ru).

© Чернин В. К., Жаткин Д. Н., 2009

при этом также ощутимо стремление побудить представителей высших слоев общества задуматься о судьбах бедняков. Наконец, в 1892 г. в «Вестнике Европы» (№ 11) увидел свет третий перевод «Леди Клары Вир де Вир», осуществленный О. Н. Чюминой; несмотря на то, что в данном случае вряд ли можно говорить о творческой удаче переводчицы, ее интерпретация, во многом приглушающая социальные мотивы английского оригинала, представляется симптоматичной для эпохи, непосредственно предшествовавшей Серебряному веку русской поэзии.

В английском оригинале большинство строф начинаются с обращения к «леди Кларе Вир де Вир» («Lady Clara Vere de Vere»), принципиально подчеркивающего принадлежность героини к аристократическим кругам. В переводе Плещеева идея Теннисона полностью сохранена, причем нравоучительная тональность и явственный социальный разрыв между героиней и простым народом несколько усилены использованием междометия «о», контекстуально выражающего вместо традиционных чувств восхищения и уважения некую насмешку в сочетании с отчаянием и болью: «О, лэди Клара Вер-де-Вер!» В первой и последней строфах своего перевода Чюмина также использует данное обращение, однако в остальных строфах отказывается от употребления фамилии героини: «О, лэди Клэра! Вы своим...», «О, лэди Клэра, не меня...», «О, лэди Клэра, с дня того...», «О, лэди Клэра, в страшный час...», «О, лэди Клэра, верьте мне...», «Я, лэди Клэра, знаю вас». Интерпретация Мина лишена подчеркнутой официальности обращений, характерной для других переводов (в частности, лексема «лэди» используется им только при обращении в первом стихе — «Нет, лэди Клара Вир-де-Вир...»), что, впрочем, не только не снижает общей социальной тональности произведения, но, напротив, существенно усиливает ее. Бедняк в восприятии Мина достаточно смел, чтобы испытывать благоговейный трепет перед надменной аристократкой; более того, он даже пытается образумить ее, доказать, что совершаемые ею поступки греховны, противоречат христианской морали («Вы горды, Клара Вир-де-Вир...», «Ищите ж, Клара Вир-де-Вир...», «Сказать ли, Клара Вир-де-Вир...», «За то, о Клара Вир-де-Вир...», «И вот он, Клара Вир-де-Вир...», «Смешно, о Клара Вир-де-Вир...», «Я знаю, Клара Вир-де-Вир...», «Так что же, Клара Вир-де-Вир...»). В данном случае переводчик ничуть не противоречит английскому оригиналу, в котором тенденция поучения бедняком аристократки намечена вполне определенно: «Trust me, Clara Vere de Vere...» («Поверь мне, Клара Вир де Вир...»), «I know you, Clara Vere de Vere...» («Я знаю тебя, Клара Вир де Вир...»), «Clara, Clara Vere de Vere...» («Клара, Клара Вир де Вир...»).

Воспринимая нападение в качестве лучшего средства защиты, бедняк в своем стремлении к самоутверждению стремится подчеркнуть свое презрение, пренебрежительное отношение к спесивой аристократке. В этой связи большое значение приобретает используемая Теннисоном в первой и второй строфах лексема «a hundred» («сотня»), призванная типизировать характерное явление, максимально лишив портрет аристократки индивидуальных черт: «The daughter of a hundred lords / You are not one to be desired» [4, 76] [«Дочь сотни графов, / Вы не та, которую желают»¹]; «A simple maiden in her flower / Is worth a hundred coats-of-arms» [4, 76] [«Простая девушка в расцвете / Стоит сотни гербов»]. Ни одному из русских переводчиков не удалось в обоих контекстах сохранить принципиальную

¹ Здесь и далее подстрочные переводы осуществлены авторами статьи.

для понимания замысла Теннисона лексему «a hundred», хотя Плещеев и Мин пытались это отчасти сделать: «Не вы мне счастье подарите, / Хоть двадцать графов вам сродни!» (А. Н. Плещеев) [5, 339]² — «Вам предки графы да князья, / А мы людей незнатных дети!» (Д. Е. Мин) [1, 238]; «Ему любовь крестьянки доброй / Дороже всякого герба» (А. Н. Плещеев) [5, 339] — «Простая девушка сто раз / Гербов всех ваших мне дороже» (Д. Е. Мин) [1, 238]. Перевод Чюминой в еще большей степени далек от оригинала, — переводчица вообще избегает упоминания каких-либо лексем с количественными значениями, предпочитая акцентировать внимание на исключительном предпочтении бедняком подлинного чувства, его равнодушию к знатности и достатку в том случае, если они вступают в противоречие с его моральными нормами и жизненными принципами: «Любить вас я желать не мог, / Хоть вы и княжеского рода» [2, 133]; «Для вас я жизнь не разобью / Простого, кроткого создання, / Ее любовь я признаю / Важней гербов и состоянья» [2, 133–134].

Во всех русских переводах произведения Теннисона в большей или меньшей степени проявилось стремление к русификации описания. Например, вместо используемого Теннисоном в сослагательном наклонении сравнения леди Клары с королевой («For, were you queen of all that is...» [4, 76] [«Ибо, были бы вы королевой всего, что есть...»]) в интерпретациях Плещеева, Мина и Чюминой происходит сближение аристократки с царицей: «И будьте вы царицей мира...» (А. Н. Плещеев) [5, 340]; «Будь вы царицею земли...» (Д. Е. Мин) [1, 238]; «Будь вы царицей — все же я...» (О. Н. Чюмина) [2, 134]. Мин упоминает и другие типичные именно для русского общества аристократические титулы («князья», «вельможи»); он также соотносит подобных Кларе жестоких, хладнокровных людей с медведями, традиционно ассоциируемыми с образом России, однако вряд ли воспринимаемыми массовым сознанием исключительно в качестве символа душевной черствости, суровости, жестокосердия: «Мы люди ль с сердцем, иль медведи» [1, 239].

Отчетливо сознавая ту опасность, которую несут для него уловки и ухищрения леди Клары, бедняк в произведении Теннисона припоминает ужасную сцену гибели другого бедняка — Лаврентия (Laurence), соблазненного коварной аристократкой и вынужденного повеситься. Английский оригинал не содержит не только сцены самоубийства, но даже и самого упоминания о нем, однако намеки на происшедшее звучат весьма отчетливо, с неизменным акцентом на ту печальную роль, которую сыграла леди Клара в судьбе Лаврентия: «Not thrice your branching limes have blown / Since I beheld young Laurence dead. / O, your sweet eyes, your low replies! / A great enchantress you may be; / But there was that across his throat / Which you had hardly cared to see» [4, 77] [«Трижды ваши ветвистые липы не облетели, / Как я видел молодого Лоренса мертвым. / О, ваши привлекательные глаза, ваши тихие слова! / Великая чародейка вы, может быть; / Но на его горле было то, / На что вы даже не побеспокоились взглянуть»]. Если Теннисон говорит о том, что судьба бедняка не волновала леди Клару, была абсолютно безразлична ей, то в переводе Плещеева аристократка уже не выглядит такой бездушной и жестокой, более того, ей не чуждо что-либо человеческое, прежде всего, умение

² По данному двуязычному изданию, не включающему в себя оригинала стихотворения А. Теннисона «Lady Clara Vere de Vere», цитируется перевод А. Н. Плещеева.

сострадать, сопереживать: «...под тенью старых лип, / Лежал недвижим бедный Лоренц. / (Лишь две весны — как он погиб!) / Вы завлекли... Околдовали... / Вам не учиться колдовать; / Но этот череп раздробленный / Вам страшно было б увидеть!» [5, 340]. Плещеев допускает еще одно искажение: упоминание о «раздробленном черепе» отводит мысль от самоубийства героя, позволяет предположить, что он был убит, причем, скорее всего, из огнестрельного оружия, которое вряд ли могло быть у бедняка. Появление противоречащих оригиналу художественных деталей было, очевидно, обусловлено стремлением переводчика к усилению эффекта от описания: «раздробленный череп» представлялся более яркой деталью, нежели вид удушившегося человека. В интерпретации Чюминой аристократка в еще большей степени переживает гибель юноши; кроме того, погибший, имя которого вообще не упоминается, оказывается близким другом лирического героя: «...с дня того, / Когда похоронил я друга, / Три года минуло всего, / А умер он не от недуга... / Вы вспоминали про него / С печалью кроткой и красивой, / Но рана на груди его / Была весьма красноречивой...» [2, 134]. Мин заменяет имя юноши более распространенным, нежели Лоренц или Лаврентий, английским именем Чарльз. В остальном его перевод предельно точно отражает авторский замысел Теннисона: «Трех раз аллеи ваших лип / Не отцвели, как в них я видел / Труп Чарльза, — юноши того, / В чью грудь вы стрелы глаз кидали, / Но знак от петли у него / На шее, верно, не видали» [1, 328–329].

В отличие от имени погибшего юноши, имя и фамилия главной героини английского стихотворения оставлены в неприкосновенности всеми русскими переводчиками, осознавшими как удивительный поэтизм, так и неслучайность выбора имени с учетом определенного историко-культурного контекста. Леди Клара Вир де Вир — вымышленный персонаж, но она представлена автором в числе потомков древнейшего знатного рода графов Оксфорда. Фамилия Vere de Vere (Вир де Вир) как нельзя лучше характеризует аристократизм и «врожденную знатность» героини, подчеркивая свойственное для древнейших родов средневековой Европы заключение браков между родственниками, распространенное в высших слоях общества с целью сохранения «благородной крови» и сокращения количества претендентов на власть и богатство.

Хладнокровие леди Клары и всего аристократического рода Вир де Вир показано Теннисоном в параллель горю матери, увидевшей тело своего погибшего сына: «Her manners had not that repose / Which stamps the cast of Vere de Vere» [4, 77] [«Ее манеры не имели того спокойствия, / Которое характеризует привилегированных Вир де Виров»]. Из русских переводчиков только Мину удалось отчетливо передать идею, значимую для автора английского оригинала: «Не все ведь женщины, как вы, / О, леди Клара, хладнокровны» [1, 239]. Действительно, Теннисон говорит о жестокости, бессердечности и хладнокровии высшего сословия, а не об изяществе манер леди Клары, как это представлено Чюминой («Она изяществом манер / Не отличалась, без сомненья, / Какое носит Вер-де-Вер / Присуще с самого рожденья» [2, 134]), и не о спокойствии, упоминание о котором в переводе Плещеева смотрится совершенно неуместным в контексте описания матери, потерявшей сына («Да, мать была не так спокойна, / Как Вер-де-Веров знатный род!» [5, 340]).

Не всем русским интерпретаторам удалось полностью сохранить форму стихотворения Теннисона (девять строф по восемь стихов, из которых четные рифму-

ются): в отличие от эквивалентного первоисточнику перевода Мина, перевод Плещеева включал в себя девять строф по девять стихов, а перевод Чюминой — восемь строф по девять стихов. Причем если некоторое изменение формы никоим образом не сказалось на содержании плещеевского перевода, то в случае с переводом Чюминой совершенно очевидна полная утрата одной из строф, звучащей в оригинале следующим образом: «Lady Clara Vere de Vere, / There stands a spectre in your hall; / The guilt of blood is at your door; / You changed a wholesome heart to gall. / You held your course without remorse, / To make him trust his modest worth, / And, last, you fix'd a vacant stare, / And slew him with your noble birth» [4, 77] [«Леди Клара Вир де Вир, / Там стоит привидение в вашем зале; / Вина крови у вашей двери; / Вы заменили доброе сердце злобой. / Вы делали по-своему без сожаления, / Чтобы заставить его доверять свои скромные достоинства, / И, в конце, вы устремили безучастный взгляд / И убили его своим благородным происхождением»].

Пропуск фрагмента, значимого для понимания английского оригинала, может быть объяснен ориентацией Чюминой на некоторое «сглаживание» социальных противоречий, раскрываемых в произведении Теннисона. Напротив, именно эти противоречия вызывают особый интерес Плещеева и Мина: «О леди Клара Верде-Вер! / За вами тень его повсюду, / И на пороге вашем кровь! / Вы сердце честное разбили... / Когда бедняк свою любовь / Решился высказать, улыбкой / И взором нежным ободрен, — / Вы тотчас выдвинули предков... / Удар был метко нанесен!» (А. Н. Плещеев) [5, 341]; «И вот он, Клара Вир-де-Вир, / Стоит пред вами привиденьем! / Кровавый грех свершили вы / Своим нечестным поведеньем. / Вы завлекали бедняка / Затем, чтоб сразу в гневе гордом / Низвести на степень мужика / Того, кто смел равняться лордам» (Д. Е. Мин) [1, 239]. Показывая, как аристократка завлекла, «улыбкой и взором нежным» ободрила бедняка, чтобы затем унижить его, переводчики по-разному показывали степень унижения героя: если у Плещеева говорилось о разбитом сердце юноши, крахе его иллюзий, то Мин и в данном случае выдвигал на первый план социальное звучание стихотворения, противопоставлял понятия «мужик» и «лорд». Интересно отметить, что при переводе двух последних стихов строфы Плещеев использовал не характерные для оригинала сугубо военные, тактические выражения («вы тотчас выдвинули предков», «удар был метко нанесен»), что, с одной стороны, сближает Клару Вир де Вир с образом военного стратега, ведущего свою жестокую игру, а с другой — напоминает об обстоятельствах биографии самого Плещеева, в молодости лишенного прав состояния и направленного рядовым в отдельный Оренбургский корпус за связь с петрашевцами.

Теннисон, а вслед за ним и Мин обращают внимание на греховность гордыни леди Клары, что вызывает библейские ассоциации и связывает описание с последующей строфой, содержащей упоминание об Адаме: «Trust me, Clara Vere de Vere, / From yon blue heaven above us bent / The gardener Adam and his wife / Smile at the claims of long descent» [4, 78] [«Поверьте мне, Клара Вир де Вир, / С вон тех синих небес, что над нами склонились, / Садовник Адам и его жена / Ухмыляются претензиям на древнее происхождение»] — «Смешно, о Клара Вир-де-Вир, / Кичиться знатностью породы, / Когда от пахаря земли / Ведут начало все народы» (Д. Е. Мин) [1, 239]. В отличие от Мина, Плещеев лексически и стилистически снижает описание, в результате чего во многом уходит тот серьезный, проблемный

фон стихотворения, для которого в реальности не имеют особого значения упоминания «ухмылки», «насмешки»; тем более Теннисон вряд ли мог, подобно Плещееву, характеризовать «древнее происхождение» как «эту ветошь, этот хлам» и тем самым подчеркивать полную ничтожность той «почвы», на которой формируются и вызревают социальные конфликты: «О лэди Клара Вер-де-Вер! / С какой насмешкою взирает / С небес наш праотец Адам / На то, чем все вы так гордитесь, / На эту ветошь, этот хлам!» [5, 341]. Используемое Плещеевым выражение «праотец Адам» не совсем удачно, ибо оно вряд ли соответствует английскому «gardener Adam» («садовник Адам»), — библейская ассоциация, столь отчетливая у Плещеева, не является доминирующей для Теннисона, которому было предельно важно отметить род занятий общих далеких предков леди Клары и погубленного ею бедняка: Адам по иронии судьбы оказывается не лордом, а садовником или, согласно переводу Мина, «пахарем земли».

Чюмина, допустившая ранее пропуск строфы, вынуждена для сохранения художественной целостности перевода предлагать интерпретацию английского оригинала, не вызывающую ни библейских ассоциаций, ни проблемных рассуждений о сущности социальных противоречий. Ей даже не интересно то обстоятельство, что все люди произошли от одного человека — садовника, а не лорда; упоминаемый ею садовник — вовсе не Адам, а один из обывателей, ставший свидетелем описываемых событий: «О, лэди Клэра, верьте мне, / Садовнику с его женою / Не снится даже и во сне, / Что длинной предков чередою / Гордитесь вы...» [2, 134]. Бесспорно, отказ переводчицы от интерпретации сущности социальных противоречий вел ее по пути размывания основной идеи переводимого произведения; в этой связи символично, что при подготовке одного из своих сборников [3] Чюмина включила в него большую часть осуществленных ею на тот момент переводов из Теннисона (в том числе и перевод баллады «Две сестры», напечатанный в одном номере «Вестника Европы» вместе с рассматриваемым нами переводом), но при этом воздержалась от републикации «Леди Клары Вир де Вир».

Строки Теннисона «'T is only noble to be good. / Kind hearts are more than coronets, / And simple faith than Norman blood» [4, 78] [«Добрые сердца больше, чем короны, / А простая вера, чем норманнская кровь»], содержащие в себе основную идею его стихотворения, особенно выразительно интерпретированы Плещеевым, использующим идиоматический оборот: «...тот лишь благороден, / Чья не запятнана душа... / А ваши графские короны / Не стоят медного гроша!» [5, 341]. Однако Плещеев, как, впрочем, и Чюмина («...Всего важней / Любви священные законы, / А миру доброта нужней, / Чем все гербы и все короны» [2, 134]), не упоминает о «норманнской крови» («Norman blood»), которая, в отличие от гербов и корон, является не формальным внешним атрибутом власти высшего сословия, но свидетельствует именно о знатном происхождении человека. И только Мин учитывает всю значимость этого образа для формирования целостного восприятия произведения Теннисона, осуждающего не систему управления, не действия власти, а бесчеловечное отношение к соотечественникам кичливой знати, не имеющей реальных заслуг и гордящейся исключительно древностью и благородством своего рода: «...я чту лишь тех, / Кто честен в деле, честен в слове, / И ставлю честность выше всех / Гербов и всей норманнской крови» [1, 239].

Пытаясь выяснить причину бесчеловечных поступков Клары, Теннисон приходит к выводу, что в основе всего — скука, безделье, отсутствие благородных

устремлений, созидательных жизненных целей: «You pine among your halls and towers; / The languid light of your proud eyes / Is wearied of the rolling hours. / In glowing health, with boundless wealth, / But sickening of a vague disease, / You know so ill to deal with time, / Your needs must pray such pranks as these» [4, 78] [«Вы чахнете среди ваших залов и замков; / Безжизненный свет ваших гордых глаз / Устает от тянущихся часов. / В ослепительном здоровье, с безграничным богатством, / Но утомленная непонятной болезнью, / Вы знаете едва ли, как обращаться со временем, / Ваши потребности должны устраивать такие проделки, как эти»]. Ни в одном из русских переводов мысль Теннисона так и не получила полноценного звучания, во многом будучи оттесненной размышлениями самих переводчиков. Так, в восприятии Мина образ леди Клары лишен характерной противоречивости, а сама она представлена взбалмошной, склонной к неприличным поступкам: «Вам скучно в вашем замке пышном, / Где тускнет живость ваших глаз / При ходе времени неслышном. / И вот, чтоб горю пособить, / Забыв, что значит честь девичья, / Вы, век привыкнув в неге жить, / Дурите здесь до неприличья» [1, 239]. В переводе Чюминой в результате несколько искусственного нагромождения синонимичных выражений, в основе своей, впрочем, не противоречащего оригиналу, аристократка предстает уставшей и разочарованной жизнью, а потому не в меру жестокой: «Вас мучит недовольства бремя, / И взор усталый ваших глаз / В тоске немой считает время. / С богатством вашим, с красотой, / Вы все ж страдаете порою, / И, с этой в сердце пустотой, / Жестокой тешитесь игрою» [2, 134–135]. Плещеев, которому все же удалось с относительно большей полнотой передать основную мысль английского оригинала, настойчиво подчеркивает аристократическую гордость героини, используя «гордые ресницы» и «гордое чело» вместо «proud eyes» («гордые глаза»): «Вы свежи, молоды, здоровы, / А утомление легло / На ваши гордые ресницы, / На ваше гордое чело! / Однообразно, бесконечно / Идут для вас за днями дни — / И вот вы ставите от скуки / Сердцам наивным западни!» [5, 341].

При интерпретации теннисовского произведения приобретает особое значение акцентуализация внимания на использовании английским поэтом в речи бедняка в качестве самохарактеристики выражения «foolish yeoman» («глупый крестьянин»): «Pray Heaven for a human heart, / And let the foolish yeoman go» [4, 78] [«Молитесь небесам за человеческое сердце, / И позвольте глупому крестьянину уйти»]. Теннисон, как видим, несколько сглаживает впечатление от монолога бедняка, типизируя его образ путем подчеркнутого осознания его набожности и полной беспомощности. В интерпретации Плещеева звучит горькое осознание неспособности народа соперничать с аристократией в силу исторически сложившихся обстоятельств («неотесанный народ»); Мин выражает ту же мысль более мягко, говоря о «простых людях». В переводе Чюминой самохарактеристика бедняка «foolish yeoman» полностью проигнорирована; более того, бедняк назван «соседом» леди Клары, что, с одной стороны, верно, поскольку, согласно логике действия, аристократка на непродолжительное время приехала в свое сельское владение из города («You thought to break a country heart / For pastime, ere you went to town» [4, 76] [«Вы думали разбить деревенское сердце / Ради развлечения, прежде чем вы уехали в город»]), но, с другой стороны, глубоко ошибочно, поскольку позволяет воспринимать на равных, как «соседей», аристократку и крестьянина.

Итак, при сопоставлении трех переводов стихотворения Теннисона «Леди Клара Вир де Вир», осуществленных в России во второй половине XIX в., можно констатировать большую отдаленность интерпретации Чюминой, по сравнению с переводами Плещеева и Мина, от английского оригинала, обусловленную общим стремлением к сглаживанию социальной направленности произведения. Переводы Плещеева и Мина близки в идейном плане, однако существенно различаются избранной переводческой техникой, в связи с чем каждый из них имеет свои достоинства. Мин стремится к максимально точной передаче мысли и формы английского оригинала, по сути избегая привнесения собственных мыслей и творческих идей. Плещеев во многом выступает не только как переводчик, но и как поэт, даже соперник своего английского современника, стремящийся представить интерпретируемый материал по возможности ярко, динамично, творчески используя возможности первоисточника; в его переводе много идиом и образных выражений.

-
1. Мин Д. Е. Леди Клара Вир-де-Вир // Север. вестн. 1893. № 8. С. 238–239.
  2. Михайлова О. [Чюмина О.] Лэди Клэра Вер-де-Вер // Вестн. Европы. 1892. № 11. С. 133–135.
  3. Чюмина О. Н. Стихотворения, 1892–1897 гг. 2-е изд. СПб., 1900.
  4. Locksley Hall and Other Poems by Alfred, Lord Tennyson. Chicago, 1860.
  5. Tennyson A. The Lady of Shalott and Other Poems = Теннисон А. Волшебница Шалотт и другие стихотворения. М., 2007.

Статья поступила в редакцию 19.01.2009 г.